

ТЕОРИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ И РАЗВИТИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ В РАМКАХ КОГНИТИВНОГО НАПРАВЛЕНИЯ МЕТАФОРОЛОГИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛИСТИКИ)

И.В. Новицкая

*Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 18-18-00194, проект
«Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве
современных коммуникаций».*

Аннотация. Представлены результаты аналитического обзора англоязычных публикаций, посвященных разработке теории метафоры и развитию ее положений в рамках когнитивного направления метафорологии. Цель анализа заключается в изложении сути ряда теорий метафоры, отражающих последовательное развитие когнитивного направления в метафорологии, в сопоставительном ракурсе. Значительное число гипотез и теорий, предложенных на суд научной общественности, свидетельствует о неослабевающем интересе исследователей к указанному явлению и стремлении дать всеобъемлющее и убедительное объяснение его сути, закономерностям использования в различных текстах и дискурсах, механизмам интерпретации и т.п. Сопоставление теоретических концепций позволило установить тот факт, что теория концептуальной метафоры сосредоточена на анализе реализованных на уровне языка деконтекстуализированных метафорических единиц, позволяющих выявить лежащие в их основе концептуальные метафорические образования. Альтернативные теоретические концепции (теория концептуальной интеграции, теория карьеры метафоры, теория атрибутивной категоризации, теория релевантности, теория значимостной маркированности) направлены на объяснение понимания и интерпретации содержания вербальных метафорических выражений, т.е. на отдельных этапах более широкого и поэтапного процесса их когнитивной обработки. За последние десятилетия данные теории прошли многократное «тестирование» в работах сторонников и оппонентов, что позволило выявить их слабые и сильные стороны и, где это было необходимо, дополнить или уточнить положения и выводы. Хотя накопленные результаты исследований способствовали «прорыву» в понимании и оценке такого явления, как метафора, считать их окончательными пока преждевременно. В статье показано, что наиболее востребованными в современной метафорологии являются теория концептуальной интеграции и теория релевантности, поскольку они сосредоточены на объяснении процессов интеграции информации при конструировании человеком метафорических значений на основе отбора значимых признаков в различных дискурсивных практиках. Существование целого ряда теорий метафоры подтверждает мнение исследователей о том, что в своем современном состоянии ни одна из широко известных теорий не может претендовать на роль единственной, способной непротиворечиво и всесторонне описать и объяснить феномен метафоры.

Ключевые слова: теория концептуальной метафоры; теория концептуальной интеграции; теория карьеры метафоры; теория атрибутивной категоризации; теория релевантности; теория значимостной маркированности.

Введение

В современной метафорологии наиболее влиятельной является теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона (the Conceptual Metaphor Theory), первоначальная версия которой была представлена в 1980 г. [1], а пересмотренная и обновленная – в 1993 и 2008 гг. [2, 3]. Значимость данной теории для последующего развития соответствующей научной области трудно переоценить, поскольку благодаря ее появлению и обсуждению фокус исследований метафорических единиц был перемещен с языка на другую сферу бытования образов сознания – мышление, что ознаменовало собой когнитивный поворот в лингвистических исследованиях метафоры. Как считает З. Кевечес (Z. Kövecses), «metaphor in the cognitive linguistic view means primarily conceptual metaphor, as opposed to linguistic metaphor» [4. Р. 33].

Можно констатировать, что появление теории концептуальной метафоры послужило толчком не только к бурному росту исследований семантического гештальта концептуальной сферы, но и к разработке альтернативных концепций, сосредоточенных на анализе процесса интерпретации и понимания метафорического языка. Вслед за теорией концептуальной метафоры в научный оборот вошли такие концепции, как теория концептуальной интеграции (теория блендинга) Ж. Фоконье и М. Тернера, теория первичных метафор Дж. Грейди, коннективная теория метафорической интерпретации Л. Ричи, интеракционистская теория метафоры П. Рикера и некоторые др. Дальнейшее совершенствование самой теории концептуальной метафоры и ее положений способствовало расширению границ исследовательского поля метафорологии в англистике и развитию интегративного подхода к теоретическому осмыслению различных аспектов функционирования метафорического лексикона, его порождения и понимания, отразившегося в разработке гибридных теорий [5, 6] и комбинированных учений [7–10].

Многообразие теоретических концепций метафоры и их тонкостей, точек соприкосновения и принципиальных отличий широко освещается в современной англоязычной научной литературе [9–15], что доказывает значимость данной проблематики для мировой метафорологии. В российской лингвистике круг авторов, освещающих детали различных теорий, постоянно расширяется и включает такие имена, как Э.В. Будаев, О.С. Зубкова, С.А. Жаботинская, Л.П. Ковальчук, А.С. Самигуллина, С.А. Хахалова, А.П. Чудинов и др. Основная направленность публикаций российских лингвистов заключается в том,

чтобы обозначить в общих чертах спектр основных направлений зарубежных исследований в области метафоры либо более глубоко проанализировать положения отдельно взятых теорий. Продолжая аналитическое освещение зарубежных работ по этой тематике, мы остановимся на сопоставительной характеристике содержания тех метафорологических концепций, которые получили наибольшее признание, кладутся в основу множества эмпирических исследований и широко освещаются в современной англоязычной литературе по теории метафоры.

Цель настоящей статьи заключается в изложении сути ряда теорий метафоры, отражающих последовательное развитие когнитивного направления в метафорологии, в сопоставительном ракурсе. В связи с ограничениями, накладываемыми объемом статьи, из всех известных в отечественной и зарубежной лингвистике теоретических концепций метафоры в настоящем обзоре представлены только некоторые из них: теория структурного отображения, теория концептуальной интеграции, теория атрибутивной категоризации, теория карьеры метафоры и теория релевантности. Выбор данных теорий обусловлен стремлением сосредоточить внимание на концепциях, предлагающих объяснения процесса конструирования и понимания вербальных метафор, т.е. метафорических единиц, реализуемых на поверхностном уровне языка, которые, с точки зрения теории концептуальной метафоры, отражают лежащие в их основе концептуальные метафоры.

Методологические основы

В области метафорологии начало 1980-х гг. связано с периодом смены лингвистической парадигмы. Его начало ознаменовалось появлением теории концептуальной (когнитивной) метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [1].

Предшествующий риторический и логический взгляд на метафорическое в языке опирался на аристотелевское мнение о метафоре как о явлении, относящемся к разряду «необычных» и «редких» [16]. Более того, согласно одной из наиболее ранних концепций метафоры, представленной в трудах лингвистов и философов [17. Р. 578], данное явление интерпретировалось как аномальное (*Metaphor as Anomaly*) и распознавалось благодаря такому ее свойству, как отклонение от нормы (*deviant features*) [18–20]. Процесс понимания метафорической единицы в такой трактовке описывался следующим образом. Метафорическое выражение является своего рода аномалией, поскольку в результате его буквальной интерпретации получаемое содержание является грамматически девиантным, семантически и концептуально абсурдным или просто неистинным. Так, в примере *My lawnmower is a wild animal* «Моя газонокосилка – просто дикое животное» метафора оказывается таким

утверждением, в котором присутствует нарушение неких ограничительных правил отбора (*selectional-restriction rules*). При восприятии метафоры человек осознает, что в ней нарушаются определенные лингвистические правила или нормы, и поэтому «переводит» ее в такую языковую форму, в которой устраняются все установленные нарушения. Следовательно, понимание метафоры происходит в тот момент, когда языковое выражение категоризируется как лингвистически девиантное.

Очевидно, что подобная трактовка метафоры представляет собой семантическую теорию, в основе которой лежит семантическая компетенция слушающего при распознавании метафоры. В рамках данной теории считается, что до момента непосредственного оценивания семантических и прагматических компонентов, обеспечивающих адекватную интерпретацию содержания, человек анализирует синтаксическую структуру предложения. Изначально процесс восприятия опирается на структуру предложения, ориентированную на выражение прежде всего истинного (буквального) содержания. Следовательно, локус понимания метафоры связан с моментом, который наступает после того, как произведен анализ предложения и определена его семантика (или буквальное значение). Это означает, что распознавание метафоры происходит после непосредственного лингвистического восприятия языкового выражения, а понимание метафоры в целом не может произойти раньше обработки языковых форм выражения.

Не получив языкового подтверждения, «девиантный» подход к пониманию природы метафоры был признан несостоятельным и остался в анналах метафорологии в качестве оригинальной, но неактуальной концепции [6. Р. 10]. Более плодотворной и востребованной в области исследования образного языка стала теория концептуальной метафоры (ТКМ) Дж. Лакоффа и М. Джонсона, революционность которой заключалась в признании метафоры в качестве когнитивного механизма.

Результаты исследования когнитивного подхода к метафоре

Ключевая предпосылка теории концептуальной метафоры заключается в том, что «*metaphor is not a matter of language but of thought: metaphor is 'a cross-domain mapping in the conceptual system'*» [2. Р. 203]. Данное положение акцентирует внимание на том, что метафора – это концептуальный феномен, который реализуется на поверхностном уровне языка. «*Conceptual metaphor does not refer to a type of utterance, but rather to an underlying metaphor that sanctions any number of actual utterances*» [21. Р. 40]. Обширный языковой материал, проанализированный авторами теории и их единомышленниками, позволил сделать заключение о повсеместности, системности и распространенности ме-

тафоры как лингвистического явления, а анализ структурных и содержательных характеристик метафорических обозначений обусловил мнение о ключевой роли метафорических проекций в когнитивных процессах. Так, в ТКМ метафоре придается статус концептуального механизма, «фигуры мышления», при помощи которой специфическое и операционное знание более конкретных явлений и действий проецируется на широкий спектр более абстрактных. «Abstract concepts are formed from associations in perceptual experience, and these abstract concepts provide the basis both for abstract thought and for linguistic metaphors» [14. Р. 85]. Проекция конкретных структур знания на абстрактные происходит на основе аналогии, сходства и сравнения элементов отдельных концептуальных сфер и естественным образом способствует формированию многих абстрактных категорий. Отсюда метафора – это один из немногих базовых механизмов абстрактной категоризации, который является основополагающим для человеческой когниции, коммуникации и языка [22. Р. 28]. При этом допускается, что для репрезентации концептуальных метафор могут использоваться и альтернативные формы, например невербальные: жесты, изображения, другие семиотические системы [23, 24].

Метафора как концептуальный механизм обеспечивает взаимную проекцию (mapping) различных ментальных образований (source domain и target domain) в пределах некой концептуальной структуры (conceptual metaphor). Три вида или уровня концептуальных проекций различаются по степени своей сложности: *single-feature or one-shot mappings*, или «одноразовые проекции» [2. Р. 229–231], *systematic mappings*, под которыми понимается «наложение структуры сферы-источника на структуру сферы-цели» [1. Р. 81] и *image-schematic mappings*, в которых image-schemas – это наиболее общие конструкторы типа траекторий, границ, отношений «центр – периферия» [25. Р. 27–28]. Соответствия, устанавливаемые между сферой-источником и сферой-целью, могут быть по своей природе онтологическими или эпистемологическими [2. Р. 207; 26. Р. 3; 27. Р. 387], а их реализация регулируется *принципом инвариантности* (Invariance Principle). Суть его заключается в том, что «проекция сохраняет топологию сферы-источника в той мере, в которой она согласуется с внутренней структурой сферы-мишени» [2. Р. 215].

Метафорические проекции, формируемые и закрепляемые в концептуальной системе человека, вербализуются на поверхностном уровне языка. Различают два способа языковой реализации: а) языковые единицы, которые используются в метафорическом значении не напрямую (indirectly), т.е. контекстуальное значение языковой единицы контрастирует с ее базовым системным значением, например *sterile* в значении «бесплодный» (о почве или самке) и в значении «неэффективный»; б) языковые единицы, которые используются в метафориче-

ском значении напрямую (directly), т.е. при отсутствии контраста между базовым и контекстуальным значением, например в случаях сравнения, аналогий и только предполагаемых сравнений типа *Shall I compare thee to a summer's day?* из Shakespeare's Sonnet 18 [28. Р. 11]. В обоих способах представлены так называемые относящиеся к метафоре слова (metaphor-related words) [Ibid.]. Метафорические единицы, реализованные на поверхностном уровне языка, формируют своего рода оппозицию, включающую новаторские, свежие, креативные (creative and novel), с одной стороны, и конвенциональные, стертые метафоры (conventional and dead) – с другой [11. Р. 4–5; 14. Р. 17–21].

В процессе производства языковых образных выражений и их понимания у человека задействованы метафорические соответствия, которые являются частью его концептуальной системы, т.е. они укоренены в ней в результате опоры на реализованный, воплощенный физический и культурный опыт, социальные практики [1. Р. 14]. Укорененные концептуальные метафоры по-разному отражают сущность этого опыта. Примарные (primary) концептуальные метафоры восходят к ментальным проекциям, возникающим в повторяющихся случаях, в которых абстрактный концепт экспериенциально связан с физическим ощущением, что закрепляется нейронными связями в коре головного мозга (например, ЛЮБОВЬ – ЭТО ТЕПЛО). На основе комбинирования примарных метафор формируются комплексные (compound or composite), т.е. такие, которые не могут быть возведены к только одному непосредственному чувственному опыту (например, ТЕОРИИ – ЭТО ЗДАНИЯ) [29].

Типология концептуальных метафор, входящих в качестве единиц в концептуальную систему человека, включает в себя единицы трех типов: структурные (structural), ориентационные (orientational) и онтологические (ontological) метафоры [1. Р. 15; 11. Р. 30]. Значительная часть концептуальных метафор является общей для концептуальных систем носителей того или иного языка в силу общности перцептивного опыта и закрепления наиболее культурно значимых метафор в ежедневной практике языкового взаимодействия. Часть концептуальных метафор является формированиями культурно-специфичными [14. Р. 74]. Помимо межкультурной вариативности концептуальных метафор, ученые отмечают и их изменяемость в диахронии [30]. Одной из особенностей концептуальных метафор, проявляемой при их вербализации, является так называемая кластеризация образных выражений (clustering of figurative expressions) вокруг концептуальных метафор, т.е. множественная языковая реализация отдельной концептуальной проекции [31. Р. 544].

Представленные в сжатом и обобщенном виде ключевые положения ТКМ позволяют определить значимость данной теории для по-

следующего развития метафорологии в целом. Определив сферу бытования концептуальной метафоры в области мышления, Лакофф и Джонсон тем самым разграничили два толкования термина «метафора», с одной стороны, как обозначения языкового явления, а с другой – как ментального механизма. В обоих толкованиях в структуре метафоры соединяются две сущности, обозначаемые как «топик» и «средство» в отношении вербализованных единиц, и «сфера-цель» и «сфера-источник» – для концептуальных проекций. Новизна подхода Лакоффа и Джонсона заключается в том, что, опираясь на анализ реализованных на уровне языка де-контекстуализированных метафорических единиц (конвенциональных по своей сути, что отличается от подхода других исследователей, которые анализировали преимущественно новаторские образные выражения), они выявили концептуальные метафорические образования, лежащие в основе языковых образных выражений [32. Р. 169]. Цель ТКМ в ее «традиционном» варианте выражается в том, чтобы выявить концептуальные метафоры на более высоком уровне (*supraindividual level*), чем индивидуальный уровень использования языковых метафор (*individual level*) [Ibid. Р. 181]. Теория не ставит перед собой задачу объяснить, как осуществляется процесс конструирования или понимания этих концептуальных метафор в дискурсивных практиках. В результате сопоставление ТКМ с иными концепциями, касающимися метафорических единиц, позволяет сделать вывод о нацеленности большинства альтернативных теорий на объяснение того, как используются и понимаются языковые метафоры в условиях реальной коммуникации.

К числу теорий, объясняющих, как происходит процесс распознавания у языкового выражения метафорического смысла, относятся прежде всего концепции, в основе которых лежит лексико-семантический подход (см. обзор в [14. Р. 25–28]). Так, согласно **теории сравнения**, в метафоре происходит сравнение топика со средством на основе общего для них обоих признака. Следовательно, при восприятии метафоры слушающий как бы достраивает полную сравнительную конструкцию: «Ник – просто *лев*» воспринимается как «Ник *подобен льву*». С точки зрения **теории замещения** (*substitution*), метафора создается в тех случаях, когда слово обозначает некое свойство или признак, характеризующий топик, например «Ник – просто *лев*», «Мы *кунаемся* в деньгах». В этом случае понимание метафоры происходит в результате того, что слушающий мысленно подыскивает замену этому слову, способную точно назвать ассоциированный признак: «Ник – *храбрый*» или «Мы *имеем огромное количество денег*». **Теория атрибуции** (*attribution*), в свою очередь, сосредоточена на уточнении культурно значимых (салиентных) свойств, которые переносятся на топик или приписываются ему, например «Ник – *свинья*», в определенном коммуникативном контексте.

К теории атрибуции примыкает **теория структурного отображения** (structure-mapping theory) Дедры Гентнер и Брайена Боудла [33, 34], в основе которой лежит идея о том, что в процессе интерпретации метафоры происходит параллельное спаривание, т.е. проецирование, элементов содержания топика и средства метафоры по принципу «один к одному». Например, в метафоре «Мужчины – волки» спаривается такой одинаковый элемент содержания, как «охотятся на». В результате природное хищническое поведение волков проецируется на поведение мужчин в отношении женщин. При этом авторы теории отмечают, что общий элемент содержания может быть не выражен эксплицитно, а устанавливаться в результате инференции.

Если упомянутые выше теории описывают механизм когнитивной обработки метафоры при ее восприятии, то концепция Рейчел Джиоры (Гиоры) **The graded salience hypothesis** (теория важности / значимостной маркированности / конвенционализированности тех или иных метафорических конфигураций) сосредоточена на описании того, как активируются знания о концептах, обозначающих топик и средство, как отбираются релевантные признаки и как комбинируются знания в новом мыслительном конструкте. В основе концепции Р. Джиоры лежит обобщение о том, что «некоторые метафорические значения слов и выражений обладают определенной значимостной маркированностью, а потому их активация в сознании человека происходит мгновенно в тех или иных контекстуальных условиях» [35. Р. 115]. По мнению автора теории [36, 37], восприятие метафоры предполагает поэтапный процесс, в начале которого происходит первоначальная активация лексической информации (т.е. значения слов). Параллельно этому процессу происходит активация контекстуальной информации, включающей релевантные фоновые знания. Далее следует этап интеграции, в ходе которого отбираются контекстно-релевантные значения слов и фоновая информация. Вычлененные элементы информации затем комбинируются и тем самым видоизменяют когнитивные репрезентации текущей ситуации, фактов и т.п. в сознании человека. Отбор релевантных для понимания метафоры элементов информации происходит на основе такого их признака, как салиентность, т.е. значимостная маркированность, в определенных контекстных условиях. Считается, что салиентными являются более конвенциональные, частотные и прототипические значения лексических единиц, а также недавно полученная или упомянутая информация. Менее релевантные элементы информации могут приобретать значимостную маркированность на более поздних этапах развития ситуативного контекста, например в случаях с описанием юмористических сюжетов [14. Р. 40].

Иной взгляд на процесс восприятия и интерпретации метафоры в условиях реальной коммуникации представлен в работах когнитивных

психологов и лингвистов и обозначен как **Теория атрибутивной / признаковой категоризации** (the Attributive Categorization View / Model, the Class-inclusion theory, the Category inclusion theory) [14, 31]. Исследовательская группа под руководством Сэма Глуксберга [38], а также Дейдра Уилсон и Дэн Спербер [39, 40] высказали точку зрения о том, что метафоры представляют собой не что иное, как инклюзивные утверждения (class-inclusion statement). В подобных утверждениях устанавливается факт членства топика метафоры в более абстрактной атрибутивной категории, обозначенной средством выражения метафоры [41, 42]. При этом образуется новая, сиюминутная категория (ad hoc category), которая является общей для обоих концептов. Так, С. Глуксберг утверждает, что в момент восприятия метафорического высказывания, например *My lawyer is a shark* «Мой юрист – акула», люди не сравнивают топик и средство метафоры, поскольку уже в самом высказывании утверждается, что юристы не похожи на акул, а являются частью такой категории, как акула. Это означает, что обработка метафоры происходит не на основе сравнения двух концептов, а на основе категоризации, точнее – абстрагирования. Поскольку утверждение в примере явно неистинно, то люди предпримут попытку выявить некие признаки, характеризующие акулу, и с учетом этих признаков сформировать новую, сиюминутную / спонтанную категорию более высокого порядка (ad-hoc superordinate category), которая будет включать и акулу, и юриста в качестве членов, например категорию ХИЩНИК. Для того чтобы понять метафору, человеку, с одной стороны, необходимо обладать достаточным знанием о топике метафоры, чтобы оценить, насколько правомерно для топика быть включенным в какую-либо атрибутивную категорию без потери смысла. С другой стороны, человеку необходимо быть знакомым и с категорией-источником, чтобы сделать вывод о том, какие категории источник может представлять.

При интерпретации метафоры новые сиюминутные категории могут формироваться как на основе признаков, типично ассоциируемых с источником, так и на основе очень обобщенных, абстрактных признаков источника. Хотя в теории не затрагивается вопрос о том, как происходит отбор признаков, на основе которых формируется новая категория, в ней уточняется «принцип двойной референции» (dual reference model), объясняющий типологию формируемых категорий [43]. Так, в примере с юристом концепт «акула» соотносится как с базовой категорией (определенный вид рыб), так и с более абстрактной категорией (хищники); последняя, в свою очередь, так же ассоциирована с двумя категориями более высокого порядка: а) существа, которые живут за счет убийства и потребления в пищу других существ; и б) существа, проявляющие такие качества, как злобность и безжалостность [14. Р. 43–44].

По мнению разработчиков теории, в каждом конкретном случае свойства новой атрибутивной категории реализуются по-разному [44. Р. 1556], поскольку при восприятии новаторских метафор концепт-источник может допускать различные интерпретации, и, следовательно, допускать формирование различных атрибутивных категорий [31]. В случаях восприятия конвенциональных, устоявшихся метафор совмещение концептуальных структур в сознании слушающего не активируется, не сопровождает сам процесс восприятия в режиме онлайн [45], а значит процесс категоризации или абстрагирования может и не осуществляться, что было экспериментально подтверждено в ряде исследований (см. обзор [43]).

Особое внимание к разграничению метафор на устоявшиеся, конвенциональные (conventional) и новаторские (novel) привело к разработке **Теории карьеры метафоры** (The Career of Metaphor Theory), в которой авторы Дедра Гентнер и Брайен Боудл объединили два конкурирующих подхода – на основе сравнения и на основе категоризации – к интерпретации образных высказываний [34, 46, 47]. По мысли авторов, в процессе обработки метафоры задействованы различные ментальные процессы, когда дело касается новаторской (в начале карьеры), конвенциональной (в середине карьеры) и мертвой / стертой метафоры (в конце карьеры). Они поддерживают идею С. Глуксберга о том, что часть метафор обрабатывается посредством категоризации (или абстрагирования), а не в результате проекции концептуальных структур (т.е. сравнения), однако приведенные ими данные экспериментальных исследований показывают, что этот процесс происходит несколько иначе, чем это предсказывал С. Глуксберг.

Главный вклад теории карьеры метафоры заключается в выявлении того факта, что на процесс обработки метафоры (посредством сравнения или категоризации) влияет не только ее новаторский или конвенциональный характер, но и то, что концептуальные параметры метафоры взаимодействуют с языковой формой, в которой отображена проекция концептуальных областей: собственно метафоры и сравнения «работают» по-разному [21. Р. 54–55; 22. Р. 32]. Гентнер и Боудл [46] провели эксперимент, в котором испытуемых попросили выбрать предпочтительную форму для образных высказываний *My lawyer is (like) a shark* (новаторская) or *Time is (like) a river* (конвенциональная), т.е. форму метафоры или форму сравнения. Полученные результаты позволили заключить, что для конвенциональных образных выражений предпочтительна форма метафоры *Time is a river*, а для новаторских – форма сравнения *My lawyer is like a shark*. Интерпретация конвенциональных образных выражений происходила быстрее, чем интерпретация новаторских. При этом была установлена корреляция между конвенциональностью и грамматической формой выражений: новаторские

сравнения интерпретировались быстрее, чем новаторские метафоры, а конвенциональные метафоры – быстрее, чем конвенциональные сравнения [46. Р. 121].

Полемизируя с авторами теории карьеры метафоры, С. Глуксберг предложил альтернативную концепцию, названную им **теория качества метафоры** (the quality-of-metaphor hypothesis), в которой он оспорил убеждение Гентнер и Боудл о том, что выбор стратегии сравнения или категоризации зависит от формы языковой репрезентации (форма метафоры versus форма сравнения) и от новизны или традиционности концептуальной проекции [14. Р. 51]. С точки зрения С. Глуксберга, сравнение и категоризация являются взаимодополняющими стратегиями при интерпретации метафоры, поскольку выбор каждой из стратегий зависит от качества и приемлемости (quality and aptness) самой образной единицы: «...сравнение используется в тех случаях, когда попытки выделения категории не приводят к результату; к категоризации прибегают в тех случаях, когда метафора уместна, удачна или креативна» [43. Р. 80].

Альтернативной теоретической концепцией, в которой категоризация рассматривается как ведущая стратегия при интерпретации метафорических выражений в процессах коммуникации, является концепция Дейдры Уилсон и Дэна Спербера, опирающаяся на положения теории релевантности [40]. Указанная теория, опираясь на понятие релевантности, нацелена на объяснение человеческой коммуникации и когниции с прагматических позиций. Она обнаруживает достаточно сходных черт с подходом С. Глуксберга, однако основывается на совершенно иных установках.

В основе **теории релевантности** (the Relevance Theory) лежит одноименный когнитивный принцип: «Human cognition tends to be geared to the maximization of relevance» [40. Р. 89]. Согласно теории, репрезентация окружающей действительности у человека организована посредством когнитивных контекстов (cognitive contexts), которые включают в себя знания об окружающей среде (в том числе физической и социальной), о сущности реально осуществляемого речевого взаимодействия, об уже произнесенных высказываниях, а также фоновые знания. В ситуации коммуникативного взаимодействия у участников создается так называемая совместная когнитивная среда (mutual cognitive environment), в состав которой входят те когнитивные контексты – реально воспринимаемая информация в сочетании с фоновыми знаниями, которые, по мнению коммуникантов, известны и доступны всем участникам общения. В центре внимания теории релевантности – то, как адресат сообщения вырабатывает понимание услышанного содержания в процессе коммуникации. Поэтому основное положение данной теории заключается в том, что при передаче запланированного адресантом со-

общения задействованы прагматические механизмы, работа которых регулируется тем, что называется презумпцией оптимальной релевантности (*presumption of optimal relevance*) [6. Р. 14, 33]. Суть ее заключается в том, что механизм человеческой когниции настроен на автоматическое «высвечивание» релевантности до максимальных пределов при помощи двух одноименных принципов: когнитивного и коммуникативного. С точки зрения коммуникативного принципа релевантности, уже сам факт обращения говорящего к собеседнику сообщает о том, что его или ее высказывание является наиболее релевантным в данных условиях и поэтому заслуживает усилий собеседника, направленных на его обработку. В этом и состоит суть презумпции оптимальной релевантности, из которой вытекает, что понимание любого высказывания сводится к вычленению и осознанию сообщаемой (*intended*) релевантности [39].

Более детальный анализ положений рассматриваемой концепции показывает, что язык в ней рассматривается как код, который очерчивает контекстуальное / ситуативное значение (*underdetermines situated meaning*), которое в процессе мышления и коммуникации усложняется и обогащается [22. Р. 42–43]. В процессе коммуникации человек использует не только вербальный код, но и другие «наглядные стимулы» (*ostensive stimuli*), например, действия и их результаты, звуки, жесты и т.п. для того, чтобы сообщить запланированное содержание [40. Р. 86–87]. По сути, эти наглядные стимулы способны самостоятельно сообщать запланированное человеком содержание без обязательного вербального сопровождения. Более того, наглядные стимулы могут передавать содержание, которое в них самих изначально не закодировано, посредством указания на факт намерения автора сообщения передать запланированное содержание. Сказанное подводит к пониманию того, что процесс человеческой коммуникации по своей природе инференциальный (*inferential*). Адресант / автор сообщения предоставляет некоторые подтверждения / свидетельства запланированного к передаче содержания, а адресат делает заключение (*infers*) об этом содержании, опираясь на предоставленные свидетельства и контекст. Предоставленные свидетельства могут быть как в закодированной, так и не закодированной форме, и если в закодированной, то при помощи как вербального, так и не вербального кода. В любом из вариантов эти свидетельства «запускают» процесс инференции, целью которого является интерпретация замысла автора сообщения [*Ibid.*]. Вербальный код при этом предоставляет неограниченные возможности для засвидетельствования (т.е. репрезентации) запланированного содержания. Интерпретации, в свою очередь, не являются связанными или ограниченными каким-либо кодом, поэтому могут быть множественными и разнообразными [*Ibid.* Р. 86–87].

Каким же образом работает принцип релевантности при интерпретации высказывания? Авторы теории истолковывают понятие релевантности с точки зрения когнитивных результатов (cognitive effects), изменений в совместной когнитивной среде и усилий, требуемых для достижения этих результатов (cognitive efforts). «При всех других равных условиях, чем больше когнитивные эффекты и меньше ментальные усилия, требуемые для их получения, тем более релевантна входная информация для индивида в данный момент» [48. Р. 407]. Релевантность есть свойство не только высказывания или наглядного стимула, но и любого иного стимула когнитивного процесса на его начальном этапе (any input to a cognitive process), например звука, мысли, воспоминания, предположения и т.п. Входной стимул становится релевантным в том случае, когда его обработка в контексте уже известной и доступной информации приводит к получению новых когнитивных результатов. Например, этот входной стимул может дать ответ на вопрос, определиться с сомнением, вызвать предположение или побудить к действию и т.п. Все эти когнитивные результаты предполагают активную и плодотворную интеракцию между входным стимулом и контекстом, в условиях которого стимул обрабатывается. Отсюда можно заключить, что входные стимулы могут различаться по степени своей релевантности в конкретной ситуации. Sperber and Wilson выделяют две степени релевантности: а) чем больше достигаемый в процессе обработки входного стимула когнитивный результат, тем выше степень релевантности стимула; б) чем меньше требуется усилий для достижения когнитивного результата, тем выше степень релевантности [40. Р. 88].

Отсюда следует, что в конкретных актах коммуникации значения лексических единиц «подстраиваются под» и «настраиваются на» конкретные условия контекста. Значения слов при этом могут как сужаться, так и расширяться. Например, значение слова *профессионал* (professional) часто расширяется, когда в данную категорию людей включаются все те, кто *применяет* знания, но значение сужается, когда мы исключаем из этой категории тех, кто *производит, генерирует* новые знания [14. Р. 57]. В каждом случае, с точки зрения теории релевантности, прагматически конструируется ситуационный концепт (ad hoc concept), в основе которого лежат закодированное лексемой содержание и контекстуальная информация. Содержательные границы такого ситуационного концепта определяются поиском наиболее оптимальной интерпретации высказывания со стороны адресата [49. Р. 12–14].

В отношении образного языка данная теория развивает идею о том, что «metaphorical language use contributes not just to what a speaker implicates but also to what she directly communicates (even asserts)» [Ibid. Р. 12]. Поэтому с позиции теории релевантности, образные единицы могут быть использованы для выражения некоего содержания, которое

может быть и не метафорической природы, только потому, что данный способ выражения является наиболее удобным и подходящим в условиях вербального взаимодействия [6. Р. 13].

Основное отличие теории релевантности от упомянутых выше концепций заключается в том, что она изначально не считает метафору самостоятельным явлением, а рассматривает ее только как форму вольного, небрежного употребления языка (*loose use*) и прагматического умозаключения / вывода (*inference*): «There is no mechanism specific to metaphors, no interesting generalization that applies only to them. In other terms, linguistic metaphors are not a natural kind, and “metaphor” is not a theoretically important notion in the study of verbal communication» [40. Р. 84–85]. В этой связи, теория релевантности считает слова и выражения в метафорическом употреблении примерами прагматического расширения лингвистически закодированных концептов, поэтому их интерпретация приводит к созданию сиюминутных / спонтанных концептов как компонентов экспликации говорящего. Например, в высказывании *Sally is a chameleon* сиюминутный концепт CHAMELEON* денотативно соотносится не только с хамелеоном (вид ящерицы, которая меняет цвет кожи для того, чтобы слиться с окружающей средой, быть невидимой), но и с типом людей, обладающим особыми чертами в поведении (стремлением высказывать разные точки зрения разным людям для того, чтобы соглашаться с каждым из них) [49. Р. 12–14].

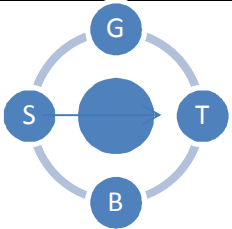
Следует учитывать, что концепты, которые люди могут мысленно принимать во внимание и обрабатывать, гораздо более многочисленные и точечные, чем концепты, закодированные средствами языка. Следовательно, мы можем сообщать друг другу гораздо больше концептов, чем это закодировано лексиконом, что обеспечивается прагматическими процессами, базирующимися на принципе релевантности [40. Р. 84–105]. Некоторые из этих нелексикализованных концептов могут являться частью уже сформированного концептуального репертуара индивида, а некоторые могут формироваться спонтанно, как непосредственная реакция на специфические условия конкретной ситуации. Теория релевантности не исключает возможности метафорического мышления, но считает, что большая часть использования метафорического языка в коммуникации представляет собой отражение неметафорического восприятия мира. Иными словами, мы можем думать о ментальных состояниях, жизни, любви, спорах и других абстрактных концептах, не прибегая к привлечению концептов из более конкретных сфер, таких как путешествия, контейнеры, войны и т.п. [49. Р. 26–27]. По мнению авторов теории, концептуальные метафоры могут существовать не в форме концептуальных проекций, а в форме языковых метафор, укоренившихся (*entrenched*) в результате частого использования. Иными словами, концептуальные метафоры возникают в результа-

те многократно повторяющегося использования языковых метафор, они не заложены изначально в мышлении, а формируются в ходе вербальной коммуникации [13. Р. 15]. Теория релевантности поэтому сосредоточена на изучении процесса обработки высказываний, зависящего от контекстных условий [6. Р. 168–169]. В ходе этого процесса предположения, извлекаемые из долгосрочной памяти, выступают только как один из видов входной информации, необходимой для инференциальной процедуры восприятия. Концептуальные проекции, существующие в формате ментального лексикона (the Language of Thought), могут лежать в основе языковых метафорических выражений. При обработке языковых выражений, передающих как буквальные, так и метафорические смыслы, задействованы те же самые механизмы, и с этой точки зрения метафоры не рассматриваются как особый тип, требующий специального механизма для понимания [Ibid. Р. 34].

Развитием идеи Джозефа Е. Грейди о примарных и сложных метафорах [29] можно считать **теорию концептуальной интеграции (ТКИ) (блендинга)** (theory of conceptual integration networks, theory of conceptual integration, theory of conceptual blending, blending theory) Жили Фоكونье и Марка Тернера [50–52]. Когнитивный ракурс в этой теории опирается на синтез *теории ментальных пространств* Ж. Фокона и *теории концептуальной метафоры* Дж. Лакоффа и М. Джонсона, представляя собой более сложный механизм концептуальной проекции. Хотя обе теории разработаны с позиции когнитивной науки и содержат ряд общих установок, вместе с тем они обнаруживают значительные расхождения, суть которых представлена в таблице.

Классическая теория концептуальной метафоры и теория концептуальной интеграции в сравнении [25. Р. 34–35]

Параметры сравнения	ТКМ	ТКИ
Охват	Процессы проекции применяются в отношении метафоры и метонимии	Процессы интеграции / блендинга применяются в отношении метафоры, метонимии, иронии, контрафактивных утверждений (гипотетических контрдопущений, counterfactuals)
Фокус	Теория исследует конвенциональные, укорененные концептуальные метафоры	Теория исследует обработку особых, новаторских образных выражений в режиме онлайн
Характеристики	В процессы проекции вовлечены две сферы	В процессы интеграции / блендинга вовлечены множество пространств
	Процессы проекции повсеместны	Процессы интеграции повсеместны
	Процессы проекции однонаправлены	Процессы интеграции многонаправлены
	Процессы проекции носят системный характер	Процессы интеграции носят системный характер

Параметры сравнения	ТКМ	ТКИ
	Процессы проекции устойчивые и неизменные: структура сферы-цели имеет преимущественное значение	Процессы блендинга интегративные и асимметричные: направление инференции – от бленда к цели
	Процессы проекции детерминированы материализованным физическим и социокультурным опытом	Процессы интеграции базируются на материализованном физическом и социокультурном опыте
Схематическое представление		

Как следует из данных таблицы, одной из отличительных черт ТКИ является ее направленность на объяснение когнитивных процессов интеграции информации, происходящих в режиме онлайн и связанных с обработкой различных форм репрезентации образного языка (метафоры, метонимии, аналогии, иронии) и даже грамматики. Подобно концептуальным метафорам концептуальные интегрированные структуры повсеместны и системны, однако процессы интеграции информации могут осуществляться в различных направлениях.

В отличие от модели концептуальной метафоры, в которой взаимодействуют два пространства (источник и цель), метафора в ТКИ есть многопространственная (точнее, включающая четыре пространства) модель или структура (*many-space model*), состоящая из двух или более элементов ментальных миров (*source-input space 1 and target-input space 2*), которые проецируются в пределах родового пространства (*generic space*), что приводит к формированию нового ментального пространства – смешанного (*blended space*) – на основе интеграции некоторых аспектов первых трех пространств [53].

Иными словами, в процесс концептуальной интеграции вовлечены два (или более) входных пространства (*source and target input spaces*), родовое пространство (*generic space*), в котором проявляются общие черты входных пространств, и интегрированное, смешанное пространство (*blended space*), конструирование которого в определенной мере опирается на свойства входных. Например, в выражении *The Bank's management was scared of being gobbled up by Deutsche Bank* «Руководство банка испугалось, что Deutsche Bank поглотит их банк» два входных пространства-сценария FEEDING и TAKE OVER соединяются в интегрированной структуре. В этом случае родовое пространство, включающее два входных, представляет собой сценарий, в котором одна сущность поглощает

другую. При этом возникающая интегрированная структура (the blend) не является простой суммой двух входных пространств, поскольку, с одной стороны, она включает в себя еще и фоновые знания, соотносящиеся с этими пространствами, т.е. имеет социокультурную и дискурсивную обусловленность, а с другой – в ее формирование вовлечены не все компоненты входных пространств [25. Р. 29–31].

К этому следует добавить и различные точки зрения на роль входных пространств и многонаправленность их взаимоотношений при формировании интегральной структуры. Согласно ТКИ, входные пространства не обладают равноценным статусом. При структурировании интегрированного ментального образования превалирующую роль играет сфера-источник, поскольку именно она задает границы формируемой единицы: в примере с банком выше – это сфера FEEDING, которая детерминирует итоговый фрейм. «The target material yields to the source material, which is explicitly represented in the blend» [54]. Однако обозначенная выше «асимметричность» вклада входных пространств при формировании интегрированной структуры полностью преобразуется в обратном процессе инференции от бленда к целевой сфере, отражая доминирование последней [25. Р. 32].

В полемике с оппонентами ТКИ авторы разработали *принципы оптимальности* (optimality principles), которые управляют и накладывают ограничения на процесс концептуальной интеграции [52. Р. 309–352]. К этим принципам относятся:

а) принцип интеграции (the *integration principle*), согласно которому сам бленд и все иные пространства должны обладать целостной структурой, позволяющей оперировать ими как целостными единицами;

б) сетевой принцип (the *web principle*), предполагающий обязательное наличие связей между блендом и входными пространствами, которые обеспечивают соответственные изменения в любом из пространств при манипулировании в каком-либо из них;

в) принцип распаковки (the *unpacking principle*), согласно которому бленд должен допускать возможное реконструирование входных и родового пространств, а также всей сети: выражение *to gobble up a company* вызывает в сознании представления о кормлении, реструктуризации компании, поглощении одной структуры другой и дальнейшее их функционирование, взаимоотношения между ними и др.;

г) топологический принцип (the *topology principle*) требует, чтобы типы отношений в бленде имели соответствия в виде подобных отношений во входных пространствах;

д) принцип подходящего основания (the *good reason*), по которому элементы в бленде должны быть значимыми, т.е. опираться на реально существующие отношения и функции в других пространствах;

е) принцип метонимического сближения / уменьшения метонимической дистанции (metonymic tightening), который означает, что ме-

тонимически соотносимые элементы из входных пространств максимально сближаются в структуре бленда. Этот принцип представляет процесс концептуальной интеграции как «a compression tool par excellence» [52. Р. 114, 312], т.е. механизм компрессии или сжатия таких важных типов отношений, как тождество, время, пространство, причина-следствие, изменение и часть-целое [Ibid. Р. 92–115].

Сравнение поздней версии ТКМ и ТКИ позволяет заключить, что обе теории опираются на представление о двойственной природе метафоры, детерминированной материальным опытом и социокультурными факторами (metaphor as both embodied and socio-culturally determined). При этом теоретики ТКМ различают два вида метафор – первичные (primary) и сложные (complex), освоение которых обнаруживает существенные различия. Первичные метафоры осваиваются в раннем детстве: “We acquire a large system of primary metaphors automatically and unconsciously <...> from our earliest years. We have no choice in this. Because of the way neural connections are formed during the period of conflation, we all naturally think using hundreds of primary metaphors [55, Р. 47, 128]. Сложные метафоры формируются из первичных в процессах концептуального интегрирования: «Complex metaphor, on the other hand, is formed by conceptual blending» [Ibid. Р. 46].

Можно констатировать, что в работах теоретиков ТКМ превалирует повышенное внимание к «воплощенной», «реализованной» (embodied) природе метафоры, а обсуждение социокультурных факторов, если и не прекращается полностью, то отодвигается на задний план. Тем не менее роль социокультурных ограничений на формирование метафор, особенно сложных, трудно переоценить. Даже допуская положение о том, что первичные метафоры формируются на стадии слияния (conflation phase) в раннем детстве, предполагается, что до этого уже сформированы так называемые schemata, т.е. ментальные структуры, которые содержат обобщенные ожидания и знания о мире и служат в качестве первичных фильтров в актах перцептивного познания действительности [21. Р. 43; 25. Р. 62]. Формирование и использование сложных метафор регулируется тем, что ван Дейк [56] определял как социальная когниция (social cognition): «...social cognition refers to the mental models structuring ideologies. Such models are acquired and (re-)produced through social practices such as discourses» [Ibid. Р. 254, 257] «and interact with the personal cognition of group members» [57. Р. 19–21]. «Cognitively structured ideologies provide group cohesion by defining membership in a group as well as its tasks / activities, goals, norms / values, position and resources» [Ibid. Р. 18, 32]. Единицами социальной когниции выступают различные схемы (schemata), например, членство (membership), траектории (trajectories), ресурсы, ценности и др., каждая из которых может быть структурирована метафорически [25. Р. 64].

Именно метафорическая репрезентация схем социальной когниции оказывает решающее влияние на результаты процесса концептуальной интеграции в блендах, на когнитивное структурирование как социальных отношений, так и различных дискурсов: «It follows that any discourse is cognitively structured by the metaphors prevailing in the respective discourse domain. On the micro-level, texts are linguistically / semiotically structured by the metaphorical expressions deriving from those prevailing metaphors. As such, metaphorical expressions may help to reify cognitive models governing discourse, and underlying metaphors may partly determine the surface structure of text» [25. Р. 70]. Отсюда следует, что метафору можно и нужно изучать, только если одновременно изучаются и дискурсы, которые выступают катализаторами появления метафор, задают очертания метафорических высказываний и обуславливают закономерности, формируемые этими высказываниями [58. Р. 4].

По мнению многих исследователей, ТКИ, разработанная в рамках когнитивной семантики в середине 1990-х гг., является полноценной теоретической базой для исследования процессов интеграции информации человеком, конструирования им значений, позволяющей учитывать как форму, так и содержание получаемых репрезентаций [14. Р. 116–117; 25. Р. 29]. Процессы интеграции являются повсеместными, основополагающими для всего человеческого опыта и не ограничиваются явлениями метафоры или метонимии. Если ТКМ анализирует уже закрепленные концептуальные связи и рекуррентные закономерности их употребления, то ТКИ направлена на объяснение процесса концептуального слияния в режиме онлайн. Объяснительный потенциал ТКИ «проявил» высокую степень совместимости этой теории с другими подходами к метафоре, например с теорией концептуальной метафоры [54, 55], теорией структурного отображения [33] и теорией моделирования восприятия (perceptual simulation theory [59]).

Заключение

Разработка научной концепции под общим названием «теория метафоры» является актуальной задачей современной английской и американской метафорологии. Значительное число гипотез и теорий, предложенных на суд научной общественности, свидетельствует о неослабевающем интересе исследователей к указанному явлению и стремлении дать всеобъемлющее и убедительное объяснение его сути, закономерностям использования в различных текстах и дискурсах, механизмам интерпретации и т.п.

С момента своего появления теория концептуальной метафоры не только подверглась усовершенствованию и суровой критике, но и приобрела «соперников» в виде альтернативных теоретических концепций,

основное отличие которых заключается в их внимании к процессу понимания, интерпретации различных форм образного языка, к тому, как создаются и активируются метафорические значения. За последние тридцать лет данные теории прошли многократное «тестирование» в работах сторонников и оппонентов, что позволило выявить их слабые и сильные стороны и, где это было необходимо, дополнить или уточнить положения и выводы. Хотя накопленные результаты исследований способствовали «прорыву» в понимании и оценке такого явления как метафора, считать их окончательными пока преждевременно.

Многочисленные теоретические концепции, предлагающие собственные трактовки понимания и интерпретации содержания вербальных метафорических выражений, сосредоточены, как правило, на отдельных этапах более широкого и поэтапного процесса их когнитивной обработки, что ставит их в конкурентные отношения друг с другом. В этой связи на страницах англоязычных научных изданий последних лет развернулась интенсивная научная дискуссия, в центре которой вопрос о возможности создания единой теории метафоры (G. Steen, R. Gibbs, Z. Kövecses, D. Wilson, L. D. Ritchie и др.). Высказываемые мнения все чаще отражают убежденность теоретиков в том, что в своем современном состоянии ни одна из широко известных теорий не может претендовать на роль единственной, способной достоверно, непротиворечиво и всесторонне описать и объяснить феномен метафоры. Кажется, что подобное мнение только подталкивает лингвистов, с одной стороны, искать новые оригинальные решения, а с другой – идти по пути интегрирования и комбинирования уже известных теорий в новые, многоступенчатые и комплексные концепции.

Литература

1. **Lakoff G., Johnson M.** Metaphors we live by. Chicago : University of Chicago Press, 1980.
2. **Lakoff G.** The contemporary theory of metaphor // Metaphor and Thought. 2nd ed. / ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press. 1993
3. **Lakoff G.** The Neural Theory of metaphor // The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought / ed. by. R.W. Gibbs. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 17–38.
4. **Kövecses Z.** Metaphor: A Practical Introduction. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2010.
5. **Tendahl M.** A hybrid theory of metaphor: Relevance theory and cognitive linguistics. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009.
6. **Stöcker H.** Metaphor and Relevance Theory: A New Hybrid Model. 2010. URL: <http://uobrep.openrepository.com/uobrep/handle/10547/145619>
7. **Veale T., Keane M.** An Integrated Model of Lexico-Semantic and Conceptual Processing for the Treatment of Natural Language Metaphors. 2005. URL: <http://afflatus.ucd.ie/Papers/scaffold92+97.pdf>
8. **Stöckl H.** Metaphor Revisited Cognitive-conceptual versus Traditional Linguistic Perspectives // AAA: Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik. 2010. Vol. 35, №. 2. P. 189–208.

9. **Kövecses Z.** Recent developments in metaphor theory: Are the new views rival ones? // Review of Cognitive Linguistics. Published under the auspices of the Spanish Cognitive Linguistics Association. 2011. № 9 (1). P. 11–25.
10. **Ruiz de Mendoza Ibáñez F.J., Perez Hernandez L.** The contemporary theory of metaphor: Myths, developments and challenges // Metaphor and symbol. 2011. № 26 (3). P. 161–185.
11. **Knowles M. Moon R.** Introducing Metaphor. London ; New York : Routledge, 2006.
12. **Gibbs Jr R.W.** (Ed.). The Cambridge handbook of metaphor and thought. Cambridge University Press, 2008.
13. **Wilson D.** Parallels and differences in the treatment of metaphor in relevance theory and cognitive linguistics // Intercultural Pragmatics. 2011. № 8 (2). P. 177–196.
14. **Ritchie L.D.** Metaphor (Key Topics in Semantics and Pragmatics) // Cambridge University Press. 2013. № 1 (2). P. 2–1.
15. **Dancygier B.** Figurativeness, conceptual metaphor, and blending // The Routledge Handbook of Metaphor and Language. Routledge, 2016. P. 46–59.
16. **Зубкова О.С.** Метафора в философской парадигме // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 1 (13).
17. **Gibbs Jr R.W.** When is metaphor? The idea of understanding in theories of metaphor // Poetics today. 1992. P. 575–606.
18. **Beardsley M.** The Metaphorical Twist // Philosophy and Phenomenological Research. 1962. № 22. P. 293–307.
19. **Matthews R.J.** Concerning a'linguistic theory'of metaphor // Foundations of language. 1971. № 7. P. 413–425.
20. **Mac Cormac E.R.** A cognitive Theory Of Metaphor. Cambridge : A Bradford Book, 1985.
21. **Sanford D.** Figuration & Frequency: A Usage-Based Approach to Metaphor : Doctoral dissertation, PhD thesis. 2010.
22. **Steen G.J.** The contemporary theory of metaphor – now new and improved! // Review of Cognitive Linguistics. Published under the auspices of the Spanish Cognitive Linguistics Association. 2011. № 9 (1). P. 26–64.
23. **Cienki A., Müller C.** (eds). Metaphor and Gesture. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2008.
24. **Forceville C., Urios-Aparasi E.** (eds). Multimodal Metaphor. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2009.
25. **Koller V.** Metaphor Clusters in Business Media Discourse: A Social Cognition Approach. PhD thesis. Vienna : University of Vienna, 2003.
26. **Barcelona A.** Introduction. The cognitive theory of metaphor and metonymy // Topics in English Linguistics. 2000. № 30. P. 1–30.
27. **Lakoff G.** Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago : University of Chicago Press, 1987.
28. **Steen G.J., Dorst A.G., Herrmann J.B., Kaal A.A., Krennmayr T., Pasma T.** A Method for Linguistic Metaphor Identification. Amsterdam : John Benjamins, 2010.
29. **Grady J.E.** Theories are Buildings revisited // Cognitive Linguistics. 1997. № 8. P. 267–290.
30. **Kövecses Z.** Embodiment, experiential focus, and diachronic change in metaphor // Selected Proceedings of the 2005 Symposium on New Approaches in English Historical Lexis (HEL-LEX) / ed. by R.W. McConchie et al. Somerville, MA : Cascadia Proceedings Project, 2006. P. 1–7.
31. **McGlone M.S.** Conceptual metaphors and figurative language interpretation: Food for thought? // Journal of memory and language. 1996. № 35 (4). P. 544–565.
32. **Kövecses Z.** Conceptual metaphor theory. Some criticisms and alternative proposals // Annual Review of Cognitive Linguistics. 2008. № 6. P. 168–184. DOI: 10.1075/arcl.6.08kov

33. **Gentner D.** Structure-mapping: A theoretical framework for analogy // *Cognitive Science*. 1983. № 7. P. 155–170.
34. **Gentner D., Bowdle B.F.** Convention, form, and figurative language processing // *Metaphor and Symbol*. 2001. № 16. P. 223–247.
35. **Самизулина А.С.** Теория метафоры в современной англистике: принципы, подходы, перспективы // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2008. № 9. С. 115–120.
36. **Giora R.** On the priority of salient meanings: Studies of literal and figurative language // *Journal of Pragmatics*. 1997. № 31. P. 919–929.
37. **Giora R.** *On our mind: Salience, context, and figurative language*. Oxford University Press, 2003.
38. **Glucksberg S., Keysar B., McGlone M.S.** Metaphor understanding and accessing conceptual schema: Reply to Gibbs // *Psychological Review*. 1992. № 99. P. 578–581.
39. **Wilson D., Sperber D.** Relevance theory // *The handbook of pragmatics* / eds. by L.R. Horn, G. Ward. Oxford : Blackwell, 2004. P. 607–632.
40. **Sperber D., Wilson D.** A deflationary account of metaphors // *The Cambridge handbook of metaphor and thought* / ed. by R.W. Gibbs, Jr. Cambridge University Press, 2008. P. 84–105.
41. **Glucksberg S., Keysar B.** Understanding metaphorical comparisons: Beyond similarity // *Psychological Review*. 1990. № 97. P. 3–18.
42. **Ortony A.** Beyond literal similarity // *Psychological Review*. 1979. № 86. P. 161–180.
43. **Glucksberg S.** How metaphors create categories – quickly // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* / ed. by R.W. Gibbs. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 67–83.
44. **Glucksberg S., McGlone M.S.** When love is not a journey: What metaphors mean // *Journal of Pragmatics*. 1999. № 31. P. 1541–1558.
45. **Glucksberg S.** Beyond literal meanings: The psychology of allusion // *Psychological Science*. 1991. № 2. P. 146–152.
46. **Gentner D., Bowdle B.F.** Metaphor as structure-mapping // *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* / ed. by R.W. Gibbs. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 109–128.
47. **Bowdle B.F., Gentner D.** The career of metaphor // *Psychological Review*. 2005. № 112 (1). P. 193–216.
48. **Wilson D., Carston R.** Metaphor, relevance and the ‘emergent property’ issue // *Mind & Language*. 2006. № 21 (3). P. 404–433.
49. **Carston R.** Metaphor and the literal/nonliteral distinction // *Cambridge handbook of pragmatics*. 2012. P. 469–492.
50. **Fauconnier G.** *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge, Mass : MIT Press, 1985.
51. **Fauconnier G., Turner M.** *Conceptual Projection and Middle Spaces* // UCSD Cognitive Science Technical Report. 1994.
52. **Fauconnier G., Turner M.** *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York : Basic Books, 2002.
53. **Fauconnier G., Turner M.** Principles of conceptual integration // *Discourse and cognition*. 1998. P. 269–283.
54. **Grady J.E., Oakley T., Coulson S.** Blending and metaphor // Gibbs & Steen. 1999. P. 101–124. URL: <http://www.wam.umd.edu/~mturn/WWW/blendaphor.html>.
55. **Lakoff G., Johnson M.** *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought*. New York : Basic Books, 1999.
56. **Dijk T.A. van.** Principles of critical discourse analysis // *Discourse & Society*. 1993. № 4.2. P. 249–283.
57. **Dijk T.A.** Discourse analysis as ideology analysis // *Language and Pace* / eds by C. Schäffner, A. Wenden. 1995. P. 17–33.

58. **Eubanks P.** A War of Words in the Discourse of Trade: The Rhetorical Constitution of Metaphor. Carbondale, IL : Southern Illinois University Press, 2000.
59. **Barsalou L.** Perceptual symbol systems // Behavioral and Brain Sciences. 1999. № 22. P. 577–609.

Сведения об авторе:

Новицкая Ирина Владимировна – доцент, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: irno2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.02.2019 г.

THE CONCEPTUAL METAPHOR THEORY AND THE DEVELOPMENT OF ALTERNATIVE THEORIES WITHIN THE COGNITIVE APPROACH TO METAPHOR (A REVIEW OF EUROPEAN AND AMERICAN METAPHOR STUDIES)

Novitskaya I.V., Associate Professor, Sc.D. (Philology), Professor of the Department of English Philology, Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: irno2012@yandex.ru

DOI: 10.17223/19996195/46/5

Abstract. The article presents results of an analytical review of European and American publications devoted to the theoretical concepts currently united under the term “theory of metaphor” as well as to the development of its key notions within the framework of cognitive metaphor studies. The purpose of the analysis is to present the essence of a number of theories of metaphor from a comparative perspective in order to reflect a gradual and consistent course of development in the field of cognitive metaphor studies. The significant number of hypotheses and theories proposed to the scientific community confirms the fact that there is researchers’ stable interest in this phenomenon and a desire to give a comprehensive and convincing explanation of its essence, patterns of use in various texts and discourses, interpretation mechanisms, etc. This comparison of theoretical concepts allowed to establish the fact that the theory of conceptual metaphor focuses on an analysis of decontextualized metaphorical units verbalized in some language, which in its turn, enabled researchers to identify a range of underlying metaphorical formations at the conceptual level. Alternative theoretical concepts (the theory of conceptual integration, the career theory of metaphor, the theory of attributive categorization, the theory of relevance, the graded salience hypothesis) are aimed at explaining the process of how people manage to understand and interpret the content of verbal metaphorical expressions, i.e. they focus on various stages of a broader and phased process of their cognitive processing. Over the past decades, these theories have undergone repeated “testing” in the works written by supporters and opponents, which allowed them to identify their strengths and weaknesses, and where necessary, to supplement or clarify the notions and conclusions. Although the accumulated research results contributed to a “breakthrough” in understanding and evaluating such a phenomenon as the metaphor, it is still premature to consider them final. The article shows that the theory of conceptual integration and the theory of relevance are in demand in modern metaphor studies, since they focus on explaining the processes of information integration in the construction of metaphorical meanings based on the selection of significant features in various discursive practices. The existence of a number of theories of metaphor confirms the opinion of researchers that in their present state none of these well-known theories can be considered the only one capable of describing and explaining the phenomenon of metaphor in a consistent and comprehensive manner.

Keywords: conceptual metaphor theory; theory of conceptual blending / integration; career of metaphor theory; category inclusion theory; relevance theory; graded salience hypothesis.

References

1. Lakoff G., Johnson M. (1980) *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
2. Lakoff G. (1993) The contemporary theory of metaphor. In A. Ortony (Ed.), *Metaphor and Thought*. (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
3. Lakoff G. (2008) The Neural Theory of metaphor. In : R.W. Gibbs (Ed.), *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* (pp. 17–38). Cambridge: Cambridge University Press.
4. Kövecses Z. (2010) *Metaphor: A Practical Introduction* (2nd ed.), Oxford: Oxford University Press.
5. Tendahl M. (2009) *A hybrid theory of metaphor: Relevance theory and cognitive linguistics*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
6. Stöver H. (2010) *Metaphor and Relevance Theory: A New Hybrid Model*. URL: <http://uobrep.openrepository.com/uobrep/handle/10547/145619>
7. Veale T., Keane M. (2005) *An Integrated Model of Lexico-Semantic and Conceptual Processing for the Treatment of Natural Language Metaphors*. URL: <http://afflatus.ucd.ie/Papers/scaffold92+97.pdf>
8. Stöckl H. (2010) *Metaphor Revisited Cognitive-conceptual versus Traditional Linguistic Perspectives* // AAA: Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik. Vol. 35 (2). pp. 189–208.
9. Kövecses Z. (2011) Recent developments in metaphor theory: Are the new views rival ones? *Review of Cognitive Linguistics*. Published under the auspices of the Spanish Cognitive Linguistics Association, 9 (1), pp. 11–25.
10. Ruiz de Mendoza Ibáñez F. J., Perez Hernandez L. (2011) The contemporary theory of metaphor: Myths, developments and challenges. *Metaphor and symbol*, 26 (3), pp. 161–185.
11. Knowles M., Moon R. (2006) *Introducing Metaphor*. London, New York: Routledge.
12. Gibbs Jr. R.W. (Ed.). (2008) *The Cambridge handbook of metaphor and thought*. Cambridge University Press.
13. Wilson D. (2011) Parallels and differences in the treatment of metaphor in relevance theory and cognitive linguistics. *Intercultural Pragmatics*, 8 (2), pp. 177–196.
14. Ritchie L.D. (2013) *Metaphor (Key Topics in Semantics and Pragmatics)*. Cambridge university press, 1(2), pp. 2–1.
15. Dancygier B. (2016) *Figurativeness, conceptual metaphor, and blending*. In : *The Routledge Handbook of Metaphor and Language* (pp. 46–59). Routledge.
16. Zubkova O.S. (2010) *Metafora v filosofskoy paradigm* [Metaphor in the Philosophical Paradigm] // *Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (13).
17. Gibbs Jr. R. W. (1992) When is metaphor? The idea of understanding in theories of metaphor. *Poetics today*, pp. 575–606.
18. Beardsley M. (1962) The Metaphorical Twist, In : *Philosophy and Phenomenological Research* 22, pp. 293–307.
19. Matthews R.J. (1971) Concerning a 'linguistic theory' of metaphor. *Foundations of language*, 7, pp. 413–425.
20. Mac Cormac E.R. (1985) *A cognitive Theory Of Metaphor*. Cambridge: A Bradford Book.
21. Sanford D. (2010) *Figuration & Frequency: A Usage-Based Approach to Metaphor*. (Doctoral dissertation, Ph. D. thesis).
22. Steen G.J. (2011) The contemporary theory of metaphor – now new and improved! *Review of Cognitive Linguistics*. Published under the auspices of the Spanish Cognitive Linguistics Association, 9 (1), pp. 26–64.

23. Cienki A., Müller C. (Eds.). (2008) *Metaphor and Gesture*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins.
24. Forceville C., Urios-Aparasi E. (Eds.). (2009) *Multimodal Metaphor*. Berlin / New York: Mouton de Gruyter.
25. Koller V. (2003) *Metaphor Clusters in Business Media Discourse: A Social Cognition Approach*. PhD thesis. Vienna : University of Vienna.
26. Barcelona A. (2000) Introduction. The cognitive theory of metaphor and metonymy. *Topics in English Linguistics*, 30, pp. 1–30.
27. Lakoff G. (1987) *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press.
28. Steen G.J., Dorst A.G., Herrmann J.B., Kaal A.A., Krennmayr T., Pasma T. (2010) *A Method for Linguistic Metaphor Identification*, Amsterdam: John Benjamins.
29. Grady J.E. (1997) THEORIES ARE BUILDINGS revisited. *Cognitive Linguistics*, 8, pp. 267–290.
30. Kövecses Z. (2006) Embodiment, experiential focus, and diachronic change in metaphor. In *Selected Proceedings of the 2005 Symposium on New Approaches in English Historical Lexis (HEL-LEX)* ed. R.W. McConchie et al., 1–7. Somerville, MA: Cascadia Proceedings Project (pp. 1–7).
31. McGlone M.S. (1996) Conceptual metaphors and figurative language interpretation: Food for thought? *Journal of memory and language*, 35 (4), pp. 544–565.
32. Kövecses Z. (2008) Conceptual metaphor theory. Some criticisms and alternative proposals. In *Annual Review of Cognitive Linguistics* 6. pp. 168–184. doi 10.1075/arcl.6.08kov
33. Gentner D. (1983) Structure-mapping: A theoretical framework for analogy. *Cognitive Science*, 7, pp. 155–170.
34. Gentner D., Bowdle B.F. (2001) Convention, form, and figurative language processing. *Metaphor and Symbol*, 16, pp. 223–247.
35. Samigullina A.S. (2008) *Teoriya metafory v sovremennoy anglistike: printsipy, podkhody, perspektivy [The Theory of Metaphor in Modern Anglistics: Principles, Approaches, and Prospects]* // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 9. pp. 115–120.
36. Giora, R. (1997). On the priority of salient meanings: Studies of literal and figurative language. *Journal of Pragmatics*, 31, 919–929.
37. Giora R. (2003) *On our mind: Salience, context, and figurative language*. Oxford University Press.
38. Glucksberg S., Keysar B., McGlone M.S. (1992) Metaphor understanding and accessing conceptual schema: Reply to Gibbs (1992). *Psychological Review*, 99, pp. 578–581.
39. Wilson D., Sperber D. (2004) Relevance theory. In Horn, L.R., and Ward, G. (eds.), *The handbook of pragmatics*. Oxford: Blackwell, pp. 607–632.
40. Sperber D., Wilson D. (2008) A deflationary account of metaphors. In Gibbs, R.W., Jr. (ed.), *The Cambridge handbook of metaphor and thought*. Cambridge University Press, pp. 84–105.
41. Glucksberg S., Keysar B. (1990) Understanding metaphorical comparisons: Beyond similarity. *Psychological Review*, 97, pp. 3–18.
42. Ortony A. (1979) Beyond literal similarity. *Psychological Review*, 86, pp. 161–180.
43. Glucksberg S. (2008) How metaphors create categories – quickly. In R.W. Gibbs (Ed.), *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* (pp. 67–83). Cambridge: Cambridge University Press.
44. Glucksberg S., McGlone M.S. (1999) When love is not a journey: What metaphors mean. *Journal of Pragmatics*, 31, pp. 1541–1558.
45. Glucksberg S. (1991) Beyond literal meanings: The psychology of allusion. *Psychological Science*, 2, pp. 146–152.

46. Gentner D., Bowdle B.F. (2008) Metaphor as structure-mapping. In R.W. Gibbs (Ed.), *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought* (pp. 109–128). Cambridge: Cambridge University Press.
47. Bowdle B.F., Gentner D. (2005) The career of metaphor. *Psychological Review*, 112(1), pp. 193–216.
48. Wilson D., Carston R. (2006) Metaphor, relevance and the ‘emergent property’ issue. *Mind & Language*, 21(3), pp. 404–433.
49. Carston R. (2012) Metaphor and the literal / nonliteral distinction. *Cambridge handbook of pragmatics*, pp. 469–492.
50. Fauconnier G. (1985) *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge, Mass. : MIT Press.
51. Fauconnier G., Turner M. (1994) *Conceptual Projection and Middle Spaces*. UCSD Cognitive Science Technical Report.
52. Fauconnier G., Turner M. (2002) *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books.
53. Fauconnier G., Turner M. (1998) Principles of conceptual integration. *Discourse and cognition*, pp. 269–283.
54. Grady J.E., Oakley T., Coulson S. (1999) "Blending and metaphor." In : Gibbs & Steen (1999: 101-124). <http://www.wam.umd.edu/~mturn/WWW/blendaphor.html>.
55. Lakoff G., Johnson M. (1999) *Philosophy in the flesh: The embodied mind and its challenge to western thought*. New York: Basic Books.
56. Dijk T.A. van (1993) "Principles of critical discourse analysis." *Discourse & Society*, 4.2, 249–283.
57. Dijk T.A. van (1995) Discourse analysis as ideology analysis. C. Schäffner, A. Wenden (Eds.), *Language and Pace*, pp. 17–33.
58. Eubanks P. (2000) *A War of Words in the Discourse of Trade: The Rhetorical Constitution of Metaphor*. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press.
59. Barsalou L. (1999) Perceptual symbol systems. *Behavioral and Brain Sciences*, 22, pp. 577–609.

Received 15 February 2019